

Юрий Сидяков (Рига)
Советская Россия в письмах русских зарубежных
иерархов 1920-х — начала 1930-х годов

Материалом для публикуемой статьи послужили документы из личного архивного фонда архиепископа Иоанна (Поммера), хранящегося в Латвийском государственном историческом архиве (ЛГИА). Этот архивный фонд достаточно велик, насчитывает около 7000 листов и содержит значительное число ценных материалов, относящихся к истории первой русской эмиграции. Основная их часть в настоящее время мною изучена и опубликована,¹ последний третий выпуск обобщающего издания должен выйти в ближайшее время.

Среди материалов, находящихся в архиве, особый интерес представляют письма русских зарубежных иерархов. Письма эти уникальны, поскольку основная часть печатавшихся до сих пор подобных материалов носила или же сугубо официальный характер,² или же отобранные для публикации письма лишь в незначительной мере и в сглаженной форме передавали индивидуальные

© Jurii Sidjakov, 2010

© TSQ 34. Fall 2010 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ См. два тома обобщающего издания, включающего в себя осуществленные ранее отдельные публикации: Из архива св. священномученика архиепископа Иоанна (Поммера): Письма и другие документы / Сост. Ю. Сидяков. Рига, 2008. Т. 1 <Seminarium hortus humanitatis: Альм. XIV> (электр. версия: <http://shh.neolain.lv/seminar23/sidakov%201.htm>); Рига, 2009. Т. 2 <Seminarium hortus humanitatis: Альм. XX> (электр. версия: <http://www.humanitatis.info/20almanax.htm>).

² Примером может служить помещенная на страницах журн. «Церковь и время» переписка Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). См.: Церковь и время: Науч.-богосл. и церков.-обществ. журн. 1998. № 2 (5). С. 75—110; № 3 (6). С. 105—124; № 4 (7). С. 124—145 и в послед. номерах.

черты их авторов.³ Переписка, находящаяся в личном фонде архиепископа Иоанна, носит преимущественно частный характер и интересна именно тем, что воссоздает живой человеческий облик ее участников.

Среди корреспондентов архиепископа Иоанна были все четыре иерарха эмигрантской церкви, возглавившие возникшие после расколов юрисдикции Русской Церкви в рассеянии: первоиерарх Карловацкого Синода митрополит Антоний (Храповицкий), митрополит Евлогий (Георгиевский), перешедший под омофор Константинопольского Патриарха, митрополит Елевферий (Богоявленский), постоянно сохранявший верность Москве, и, наконец, митрополит Платон (Рождественский), стоявший во главе отделившейся от Московской Патриархии Православной Церкви в Америке. На их письмах, в первую очередь, и будет сосредоточено внимание в статье.

В письмах всех четырех упомянутых корреспондентов архиепископа Иоанна значительное место занимали события, происходившие в оставленной ими России. Однако знакомство с реальным положением дел в управляемой большевиками стране у авторов писем было неравным. Всем четырем заграничным митрополитам жить при большевиках по сути не довелось. Единственным участником переписки, в действительности знакомым с условиями жизни в советской России (до нач. 20-х годов), был архиепископ Иоанн.

Дошедшие до нас письма, по всей видимости, сохранились не в полном объеме. Самый продолжительный период — 1921 — 1932 гг. — охватывает переписка архиепископа Иоанна с митрополитом Евлогием — сохранилось 30 его писем. Почти совпадает по времени и продолжительности переписка с митрополитом Елевферием (1922—1932 гг., 23 письма). Из переписки с митрополитом Антонием сохранилось 15 писем — 1921—1925 гг. (из счета в данном случае исключены сугубо официальные сопроводительные письма, посылавшиеся вместе с постановлениями Карловацкого синода, их содержание лишь констатирует факт отправки документов). Письма митрополита Платона относятся к 1922—1925 гг., всего их сохранилось 14.

³ См., напр., изд.: Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого), Джорданвилль, 1988.

Несмотря на то, что хронологические рамки, охватываемые каждой отдельной перепиской, полностью не совпадают, в целом ее интенсивность у всех корреспондентов в равные промежутки времени оказывается приблизительно одинаковой, поэтому вполне возможен сравнительный анализ представленных в каждой отдельной переписке тем.

Следует отметить, что частотность обращения авторов писем — прямо или же косвенно — к советской тематике оказывается различной.

Более всего она представлена в письмах митрополита Платона — примерно 49% от общего объема переписки. Затем следуют письма митрополитов Евлогия и Антония — 34% и 32%. Менее всего о советской России говорится в письмах митрополита Елевферия — этой теме посвящено всего лишь около 14% их объема.

Приведенная статистика, думается, вполне объяснима. Митрополиту Платону советская Россия постоянно напоминала о себе в лице появившихся в Америке обновленческих лжеиерархов, пытавшихся через суды захватить в свои руки церковное имущество. Кроме того, под давлением 6-го отдела ОГПУ патриарх Тихон был вынужден подписать указ об отрешении митрополита Платона от управления Североамериканской епархией (хотя этот указ был положен патриархом «под сукно», советская пресса поспешила объявить о его существовании).⁴ Не удивительно поэтому, что о связанных с советской Россией проблемах митрополиту Платону приходилось вспоминать достаточно часто. С другой стороны, отношения митрополита Елевферия с Московским церковным управлением были неизменно хорошими — как при Патриархе Тихоне, так и при митрополите Сергии. Как известно, в 1928 г. ему даже удалось побывать в Москве, его впечатления о поездке публиковались в эмигрантской прессе, позже составили целую книгу.⁵ Этим и можно объяснить, по крайней мере отчасти, достаточно

⁴ В протоколе заседания Антирелигиозной комиссии № 41 от 12 дек. 1923 г. значится след. пункт: «Постановили: <...> 3. Поручить т. Тучкову провести через Тихона увольнение Платона от должности» (Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922—1925. Новосибирск; Москва, 1997. Кн. 1. С. 533).

⁵ Неделя в Патриархии: Впечатления и наблюдения от поездки в Москву // Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом: Сб. М., 1995. С. 173—318.

редкое обращение митрополита Елевферия к советской теме в его частной переписке.

Теперь перейдем к конкретным связанным с советской действительностью темам, нашедшим отражение в письмах. Естественно, уже в связи со спецификой переписки речь здесь преимущественно шла о положении Церкви в советской России.

Однако первое, о чем следует, вероятно, упомянуть — это о свойственной всей эмиграции ностальгической теме: «Даже и в такую Родину, какой она является теперь, — пишет архиепископу Иоанну митрополит Евлогий, — все же неудержимо тянет и хотелось бы еще увидеть ее, родную Матушку-Россию, и послужить ей. Трудно там, ой, как трудно, — и великие подвижники наши святители российские; но кому теперь легко».⁶ Однако по мере укрепления в России большевистской власти надежда на возвращение неизбежно слабела: «Я уже почти потерял надежду возвратиться в Россию, — писал тому же архиепископу Иоанну митрополит Антоний (Храповицкий). — Меня по восьми городам спрашивали большевики, чтобы запугать. Особенно их злят последние мои окружные послания, которые проникли в Россию. А прогонят ли их, пока я жив? В этом сомневаюсь».⁷

Тема положения Церкви в советской России до 1925 г. преимущественно оказывалась связана с личной судьбою патриарха Тихона. До ареста патриарха в 1922 г. какая-то связь между Российским церковным управлением и зарубежную Русскую Церковь еще сохранялась. В это время за границу еще доходили патриархии указы или же, по крайней мере, достаточно точные сведения о них. Указы эти порою приводили в смущение (как, напр., о роспуске Карловацкого Высшего Церковного Управления), но все же они неукоснительно исполнялись и воспринимались как веления высшей церковной власти. Оказавшиеся за пределами Родины епископы продолжали ощущать себя и свою паству неразрывной частью единой Церкви Российской. В это время они еще

⁶ Из архива св. священномученика архиепископа Иоанна (Поммера). Т. 2. С. 14.

⁷ *Сидяков Ю.* Из архива архиепископа Иоанна (Поммера): Письма митр. Антония (Храповицкого) к архиеп. Иоанну // *Seminarium hortus humanitatis*: Альм. XVIII Гуманитарного семинара Русский мир и Латвия: Индивидуалистич. и коллективистская тенденция в культуре. Рига, 2009. С. 124.

ни в коей мере не противопоставляли себя той части Русской Церкви, которая оказывалась на территории, подвластной большевикам.

Формально домашний арест Патриарха продолжался недолго. Уже в 1923 г. он считался освобожденным, но возможность сообщения с Патриархией для заграничного русского епископата оставалась закрытой. В то же время среди заграничных церковных управлений начинают назревать противоречия и конфликты. Разрешения их еще по-прежнему надеются найти в Москве. Идут напряженные поиски какой-либо возможности связаться с патриархом, получить его авторитетное суждение по спорным вопросам. «Трудно наше положение при отсутствии руководящих указаний от Св<ятейшего> Патриарха Тихона, оттуда ничего не слышно, — точно из могилы. Говорят, здоровье Святейшего не важно; и руки ему связаны...» — писал в октябре 1924 г. митрополит Евлогий.⁸

Поскольку Рига была транзитным пунктом между советской Россией и Европой, в письмах заграничных русских иерархов к архиепископу Иоанну обычной и повторяющейся становится просьба любым путем переправить адресованную патриарху почту. Однако с 1922 г. все чаще и чаще предназначенные для пересылки в Россию документы остаются в Риге, оседая в архиве рижского архиепископа. В то же время за границей начинают возникать сомнения в том, насколько свободен в своих действиях патриарх, не окажутся ли пришедшие из Москвы циркуляры и распоряжения, даже в том случае, если они достигнут Западных стран, подложными или же навязанными патриарху контролирующей его деятельность властью.

Так, в письме к архиепископу Иоанну от 21 февр. 1923 г., в связи с созывом обновленческого собора и возвращаясь к истории запрета деятельности Карловацкого Высшего Церковного Управления, митрополит Антоний писал: «Если Антонин рассылает подложные приглашения за подписью якобы Агафангела, то не к таким же ли подложным относится и указ Патр<иаршего> Синода от 5 мая о закрытии В<ысшего> Ц<ерковного> Управления за границей. В “Нов<ом> В<ремени>” от 8 ноября мне сразу

⁸ Из архива св. священномученика архиепископа Иоанна (Поммера). Т. 2. С. 18.

за подписью церковных пояснили всю неосведомленность автора Указа с положением загр<аничной> Церкви Русской, и делается вывод, что если Свят<ейший> патриарх видел сей указ, то в готовом виде и подписал свое предложение Синод<у> под угрозами, а на другой день все же был арестован».⁹

Точно так же и митрополит Платон, в связи с дошедшими до него неофициальными сведениями об отстранении его от управления Североамериканской епархией, 15 апреля 1924 г. писал: «От Святейшего ничего не слышно, хотя телеграмма послана. Газеты пишут, что патриарх потребует меня на суд в Москву за контрр<е>волюционную деятельность. Ложь ли это, дурная ли шутка или издевательство, не знаю <...>».¹⁰

После смерти патриарха Тихона уже при Местоблюстителе Патриаршего Престола митрополите Петре, еще до его ареста, чувство единства с остававшейся в России церковной иерархией за границей начинает утрачиваться.

Первоначальное отношение к митрополиту Петру среди эмиграции было преимущественно отрицательное. В нем подозревали ставленника большевиков. Лишь после решительного осуждения митрополитом Петром обновленческого раскола оценка его личности постепенно стала изменяться. Все эти настроения в особенно экспрессивной форме нашли отражение в письмах митрополита Антония (Храповицкого). Так, в письме к архиепископу Иоанну, написанном в мае 1925 г., дается следующая характеристика Патриаршего Местоблюстителя: «Паша Полянский, 2 или 3 года тому назад был рябчик, т<о> е<сть> мирянин. Он сам себя называет заместителем п<атриар>ха, но власти его таковым в Советии не признают. Он племянник е<пископа> Виталия Калужского и присутствовал при его смерти, причем свистнул от умиравшего деньги и в Академии устроил для профессоров “Красный кабачок”. <Сопаров ?> писал ему магистерское, которого он сам, вероятно, даже и не прочитал толком. Он из псаломщиков, человек совершенно невежественный и в этом смысле был общим посмешищем; он товарищ пр<еосвященного> Евлогия, но зна-

⁹ Сидяков Ю. Из архива архиепископа Иоанна (Поммера): Письма митр. Антония (Храповицкого) к архиеп. Иоанну. С. 125.

¹⁰ Из архива св. священномученика архиепископа Иоанна (Поммера). Т. 2. С. 73.

читательно> старше его. Однако за ним есть и подвиги. Когда ослабевший патриарх согласился признать Красницкого, то Паша энергично ведь противостоял ему и грозил даже выйти из общения с Патриархом, если последний согласится принять Красницкого. Он убедил покойного отказать тому мерзавцу».¹¹

Надо отметить, что будущий митрополит Петр в прошлом был учеником митрополита Антония по Московской Духовной академии, чем, отчасти, можно объяснить фамильярность высказываний. Впрочем, резкость в выражениях и острота слога вообще оказывались в письмах митрополита Антония (Храповицкого) явлением довольно обычным. Следует отметить также и фактические неточности, содержащиеся в приведенном фрагменте письма: «Пашей» будущий Патриарший Местоблюститель никогда не был — и до монашества он носил имя Петр, иным оказывалось и происхождение — отец его был сельским священником. Трудно также сказать, насколько справедливы приведенные в письме сведения о той роли, которую митрополит Петр сыграл в конечном решении патриарха отказать одному из лидеров обновленческого движения Красницкому. Под давлением власти Патриарх Тихон действительно в какой-то момент соглашался ввести его в свое церковное управление, но затем это решение отменил.¹² Тем не менее, по всей видимости, в действительности дела обстояли не совсем так, как это изображает митрополит Антоний.¹³

¹¹ Сидяков Ю. Из архива архиепископа Иоанна (Поммера): Письма митр. Антония (Храповицкого) к архиеп. Иоанну. С. 128.

¹² Примирение Патриарха Тихона с Красницким планировалось в Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б). В протоколе № 49 от 8 апр. 1924 г. значится след.: «“Слушали: <...> 7. О введении КРАСНИЦКОГО к ТИХОНУ в Управление”. “Постановили: <...> 7) Принимая во внимание, что введение КРАСНИЦКОГО к ТИХОНУ в Управление политически выгодно, поручить тов. ТУЧКОВУ таковое осуществить и если одних словесных воздействий будет не достаточно, тактично применить другие меры, могущие оказать на Тихона и его приближ[енных] епископов соответствующее воздействие”». (Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. Кн. 1. С. 534).

¹³ Первоначально, когда указ о включении Красницкого в состав Высшего Церковного Совета был подписан патриархом, на этом документе стояла также и подпись митрополита Петра (Полянского). Текст указа см.: Акты Святейшего Тихона Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти: 1917—1943. Сб.: В 2 ч. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 318—319.

После публикации митрополитом Петром его послания против обновленцев тон писем митрополита Антония несколько меняется. 1 окт. 1925 г. он пишет следующее: «М<итрополит> Петр написал прекрасное послание, если верить газетам. <...> Я написал в газете, что пора его признать, но члены Синода дружно запротестовали и потребовали отложить суждение до собора нашего (дек<абрь> или ноябрь) или по кр<айней> мере до собора живоцерковников, когда будет ясно, насколько сей полномочный Владыка не уподобится Чичикову, который сначала всемеренно отвергал взятки, а дождавшись “удобного времени” хапнул так, что на полжизни ему хватило <...>».¹⁴

И, наконец, в письме, отправленном еще примерно три недели спустя, звучит уже однозначная и высокая оценка: «<...> м<итрополиту> Петру честь и слава!».¹⁵

Однако как бы ни менялось с течением времени отношение к Патриаршему Местоблюстителю за границей, единство с Московским церковным управлением в эмиграции уже при митрополите Петре явно слабеет, хотя его имя как официального первоиерарха и продолжает поминаться за богослужениями в русских заграничных церквах. Тенденции эти определенно ощущаются и в рассматриваемой нами переписке: «Я очень боюсь, — пишет архиепископу Иоанну в конце 1925 г. митрополит Евлогий, — как бы нам не утратить вовсе связи с Родиной, не оказаться для нее “чужаками”».¹⁶ Об ослаблении связей с Патриархией и утрате чувства внутреннего единства свидетельствует и произошедший в 1926 г. зарубежный церковный раскол. Окончательную грань между большею частью русского заграничного епископата и Москвою положила декларация Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Сергия, заявлявшая о лояльном отношении Церкви к советской власти и советскому государству. На разного рода хитрости в формулировках, если таковые в декларации вообще были, никто за границей обращать внимания не стал. Митрополит Сергей потребовал также соответствующей подписи и от находившихся в эмиграции русских архиереев. Карловацкий Си-

¹⁴ Сидяков Ю. Из архива архиепископа Иоанна (Поммера): Письма митр. Антония (Храповицкого) к архиеп. Иоанну. С. 128.

¹⁵ Там же. С. 129.

¹⁶ Из архива св. священномученика архиепископа Иоанна (Поммера). Т. 2. С. 19.

нод декларации не признал. В очень сложной ситуации оказался митрополит Евлогий, всеми силами старавшийся сохранить каноническую связь с Москвой. «Последние распоряжения м<итрополита> Сергия, — писал он архиепископу Иоанну 24 июля 1928 г., — хотя еще раз утвердили правильность моей канонической позиции, но создали большие трудности в смысле настроения нашей эмиграции. И меня поставили между молотом и наковальнею. Конечно, в деятельности м<итрополита> Сергия есть нечто смущающее, но все же он возглавитель нашей Церкви (пока м<итрополит> Петр вынужденно бездействует) и, след<овательно> оторваться от него значило бы оторваться от Матери-Церкви, чего я совершенно не могу допустить в своей совести. Как ни тяжелы нападки, идущие на меня из Карловцев, я до конца буду в единении с Матерью-Русскою Церковию. Помолитесь, дорогой Владыко, да поможет мне Господь, — очень трудно, вынужден лечить свое больное сердце».¹⁷ Однако сохранить единство с Матерью-Церковью митрополиту Евлогию не удалось. В 1930 г. он был вынужден выйти из юрисдикции Московской Патриархии после увольнения его митрополитом Сергием от должности по политическим причинам. С 1931 г. митрополит Евлогий пребывал в юрисдикции Константинопольской Патриархии.

Неизменную верность Москве сохранял литовский митрополит Елевферий, соответственно утверждая свою позицию и в письмах. Что же касается позиции архиепископа Иоанна, то к шагу, предпринятому митрополитом Сергием, он в целом относился с пониманием, хотя и не считал, что в конечном итоге этот шаг принесет какие-либо добрые плоды. «Это “обращение”, — писал архиепископ Иоанн митрополиту Елевферию, — конечно, прежде всего имеет чисто местное значение — оно преследует почтенную цель легализации в пределах СССР канонических органов Российской Пр<авославной> Церкви. Будет ли эта местная цель достигнута? Из последнего письма м<итрополита> Сергия я усматриваю, что дело легализации стало пока на том, с чего началось. Будет ли дана обещанная возможность созвать собор, избрать Патриарха и т<ак> д<алее> пока неизвестно. Большевики в связи с обращением убедились, что м<итрополит> Сергий не является лицом, объединяющим вокруг себя весь староцерковный

¹⁷ Там же. С. 23.

фронт и что вообще такого объединяющего лица у староцерковников нет, что, следовательно, бояться староцерковников как единой силы не приходится и бить их можно по частям, а данные ими обещания можно оставить без исполнения».¹⁸

Давать подписку о лояльном отношении к советской власти архиепископ Иоанн отказался, мотивируя это тем, что его паства, как и он сам, являются гражданами другого государства, и заявление о лояльном отношении к правительству другого государства означало бы нарушение существующих в Латвии гражданских законов. Объяснение это митрополитом Сергием, очевидно, было принято. Во всяком случае, никаких репрессивных мер по отношению к архиепископу Иоанну из Патриархии не последовало, несмотря на его резкие антисоветские выступления, вызвавшие даже ноту протеста советского полпредства.¹⁹ До конца жизни, по крайней мере формально, архиепископ Иоанн продолжал оставаться в юрисдикции Московской Патриархии.

Из других церковных событий в советской России 1920-х — нач. 1930-х годов довольно подробное освещение в письмах получил обновленческий раскол. Участники переписки напряженно и заинтересовано следили за церковной позицией остававшихся на родине собратьев — кто, несмотря на гонения, оставался верен законному церковному правительству, кто поддавался искушению и отступал, уходя в обновленческий раскол.²⁰ Сама же церковная

¹⁸ Из архива св. священномученика архиепископа Иоанна (Поммера). Т. 1. С. 64.

¹⁹ Инцидент возник в связи с речью архиепископа Иоанна, произнесенной 6 нояб. 1927 г. перед всенародной панихидой по жертвам большевизма (по поводу 10-летия большевистского переворота). В ответ на ноту советского полпредства в беседе с корреспондентом газ. «Слово» и еще в более резкой форме в речи на заседании Сейма 29 нояб. 1927 г. архиеп. Иоанн обвинил правительство СССР в стремлении ограничить свободу слова в Латвии. Информацию о событиях см. в газ. «Сегодня» (1927. 7, 12, 24, 30 нояб.) и «Слово» (1927. 7, 12, 14 нояб.). Тексты речей архиеп. Иоанна см.: Слово. 1927. 30 нояб. и 1 дек.; Вера и жизнь. 1927. № 12. С. 7—8; 1928. № 1. С. 4—10.

²⁰ См., напр., письма митрополита Платона от 17/30 марта 1923 г.: Из архива св. священномученика архиепископа Иоанна (Поммера). Т. 2. С. 72; митрополита Антония от 7/20 окт. 1925 г.: *Сидяков Ю. Из архива архиепископа Иоанна (Поммера): Письма митр. Антония (Храповицкого) к архиеп. Иоанну.* С. 129.

ситуация в ее конкретных проявлениях порою приводила в полное недоумение, а порою и ужас. Так, 22 сент. 1925 г. митрополит Платон писал архиепископу Иоанну: «В Чернигове враждуют пять архиереев, а в Пскове, пишут сюда, Николай — тихоновец, Симеон — обновленец и Петр — возрожденец живут в полном согласии. Последние два имеют почтенных супруг, умеющих угощать, чем наш е<пископ> Николай очень доволен. Какие времена настали, Боже мой! Это псковское *согласие* архиереев хуже ихней вражды в Чернигове».²¹

Много сил и энергии находившимся за рубежом русским епископам приходилось тратить на то, чтобы препятствовать признанию на Западе обновленческой иерархии в качестве законной церковной власти в России, к чему в первую очередь были склонны представители некоторых протестантских конфессий. В особенности опасность была велика до начала процессов «церковников» — тогда о положении Церкви в советской России в странах Запада знали мало. Все это также нашло отражение в рассматриваемых письмах.²² Волновала участников переписки и судьба находившегося в заключении и ссылки русского духовенства.²³ Однако при этом, как правило, практически ничего не говорилось ни о сопутствовавших кампании изъятия церковных ценностей процессах, ни о самой кампании — вероятно, в связи с тем, что все это и так весьма подробно описывалось в эмигрантских газетах; повторение же известных фактов представлялось, очевидно, избыточным. Отголосками этой темы в письмах оказывались лишь задававшиеся время от времени вопросы, не располагал ли кто-либо из переписывавшихся информацией, полученной из первых рук, но такую информацию получить в то время было очень трудно.

²¹ Из архива св. священномученика архиепископа Иоанна (Поммера). Т. 2. С. 76.

²² Напр., в письмах того же митрополита Платона от 17/30 марта, от 2/15 апр. и 7 дек. 1923 г.: Из архива св. священномученика архиепископа Иоанна (Поммера). Т. 2. С. 71–72.

²³ См. об этом, напр., в письме митрополитов Антония от 19 янв. 1923 г. и в постскриптуме к письму на отдание Пасхи 1925 г.: *Сидяков Ю.* Из архива архиепископа Иоанна (Поммера): Письма митр. Антония (Храповицкого) к архиеп. Иоанну. С. 125, 128, а также в письме митрополита Елевферия от 31 дек./13 янв. 1926 г.: Из архива св. священномученика архиепископа Иоанна (Поммера). Т. 1. С. 61.

У некоторых из оказавшихся на чужбине иерархов в советской России оставались близкие родственники и друзья — беспокойство о их судьбах также отражалось в письмах.²⁴

Голод в России, сбор пожертвований для голодающих — об этом также писали и предпринимали все возможные меры, чтобы оказать хоть какую-то помощь.²⁵

Распад России, образование новых государств воспринимались участниками переписки как данность. В возможность падения власти большевиков еще верили, но в восстановление России в прежних границах — по сути уже нет.

Таков в основном круг тем, определявшихся событиями советской действительности 1920-х — нач. 1930-х гг., нашедших отражение в письмах зарубежных русских иерархов.

²⁴ Так, у епископа Феофана (Гаврилова), в прошлом — овдовевшего священника, оставалась в России дочь. Выезд в Югославию из советской России в то время был невозможен, поэтому епископ Феофан был вынужден обратиться к рижскому архиепископу за помощью в организации проезда дочери через Латвию и получения ею латвийской визы (см.: ЛГИА. Ф. 7131. Оп. 1. № 28. Л. 51—52, 98).

²⁵ См. письмо митрополита Евлогия от 21 июля/3 авг. 1921 г.: Из архива св. священномученика архиепископа Иоанна (Поммера). Т. 2. С. 13, и письмо митрополита Антония от 18 марта 1922 г.: *Сидяков Ю.* Из архива архиепископа Иоанна (Поммера): Письма митр. Антония (Храповицкого) к архиеп. Иоанну. С. 125.